

Алексей Ручий

Ком@

Ком@ (Индустриальная поэма)

«Для полного завершения моей судьбы, для того, чтобы я почувствовал себя менее одиноким, мне остается пожелать только одного: пусть в день моей казни соберется много зрителей и пусть они встретят меня криками ненависти»

Альбер Камю

Детство.

А теперь представь себя ребенком и пойми одну простую вещь: мир элементарен всегда и во всем. Он похож на скольжение луча света по изголовью кровати в утренней прозрачности и блеске, когда ты вроде еще спишь, но сон уже отпустил свою хватку, и нити его рвутся подобно паутине, которую вы снимаете из углов во время генеральной уборки по воскресеньям.

Представь себя ребенком. Только представь. Отрекись от памяти как таковой и воссоединись лишь с воспоминаниями. Сколько точек соприкосновения живут лично в тебе?

Людям свойственно все усложнять. Слишком свойственно. Боль приходит не сразу – сунь руку в костер и ты поймешь. Сначала будет тепло, потом горячо и только после этого кожа начнет слезать, словно луковая шелуха. Но повторюсь: боль приходит не сразу.

Сначала нет ничего, и ты помнишь себя шестилетним пацаном, лихо рассекающим на велосипеде по окрестностям. Нет боли и страха. Подавленности и каждодневной лжи. Мир похож на красивую сказку, где обиды живут ровно день и уносятся прочь вместе с наступлением ночи.

В этом мире есть место лишь удивлению. Огромный паук смотрит на тебя из угла чулана, но ты вроде как не боишься и единственное, что внушает тебе опасения: а не заползет ли к тебе в задницу какой-нибудь таракан, когда ты будешь спать.

И дегенеративный шестиклассник отводит тебя в сторону и говорит: «Хочешь, покажу помадку?» Ты ничего не успеваешь ответить, как он уже спускает штаны, и ты видишь его розовый член, он оттягивает крайнюю плоть, и головка его при этом становится какой-то малиновой – действительно похоже на тюбик губной помады. А подглядывание?

Ты наблюдаешь за матерью и сестрой и за другими женщинами тоже. И когда тебе удастся поймать взглядом кусочек обнаженной плоти, ты чувствуешь, как в паху происходит какое-то оживление, и все твоё тело сковывает магической дрожью, и ты любишь такие моменты. Обнаженные женщины подобны огромным кучевым облакам или взбитым сливкам.

Ты вступаешь в заговор с шестиклассниками, и все свое свободное время вы отчаянно дроните на заднем дворе, и одному из них даже удается кончить – при этом его сперма улетает далеко ввысь, возможно, в стратосферу, а, может, и дальше – в Бесконечные Космические Джунгли. Но ты еще слишком мал для таких извержений.

Ты еще не знаешь мертвой хватки Штурмовиков. Тебе не приходилось увязать в дебрях Системных Ошибок. Пока что ты никому не нужен, и у тебя даже нет Регистрации в Системе. Но это только пока.

Это самое «пока» растянуто во времени относительно горизонтали и вертикали, оно занимает все свободное пространство эмоционального мира. Маленький Будда. В твоей памяти живет только запах сена, собранного в стога, после дождя. Беспилотный полет шмеля. Водянистые разводы беспечности. Одиночество еще не коснулось тебя своей холодной дланью.

Над океаном взмывает шизофреническая чайка. Волна лижет своим соленым языком желтый песок. И тебе хочется спасти всех медуз, выброшенных на берег отливом. Ты падаешь, падаешь в пропасть, лихо и подчеркнуто легко, тебе плевать, ведь ты все еще ребенок. И окружающий мир – не более чем тайна, которую скрывает бабушкин сундук.

Рваные бусы реальности разлетаются мелким бисером по всем углам и закоулкам сознания. И девочки в детском саду показывают свои маленькие письки, задирая юбочки и приспуская шерстяные колготки, а с ними и трусики в цветочек, - за деревянной беседкой, крытой шифером, – вдали от сторонних глаз. А вечером семья садится за ужин.

Вечера – словно черный бархат, которым обтянута шкатулка с драгоценностями или Ящик Пандоры. Вечера дышат тайной, они мистически вплетены в бытие, словно звезды в черный купол небосвода. В них обретают жизнь и дыхание Розовые Мечты. В них ты находишь старые игрушки, которые запрятаны под кроватью. В них ты теряешь свою невинность и вместе с тем обретаешь покой. Эти вечера пахнут пряностями и дымом.

Все это живет в твоей памяти, а, возможно, и является твоей памятью. Это наполняет тягучие минуты смыслом, а сердце заставляет биться чаще и сильнее. Кровь всех Жил Мира бежит сквозь тебя, бежит в тебе. Ты – маленький принц Бесконечности.

И нет места Отчаянью, что затаилось в темных сырых подвалах, из которых периодически доносится писк крыс. Иногда эти крысы выбираются наружу, и тогда ты бегаешь за ними по двору, чтобы настигнуть их и прикончить палкой со ржавым гвоздем на конце.

Все это живет где-то внутри своей независимой жизнью, и даже Штурмовики Системных Ошибок не знают об этом. Равно как и Торговцы Вечностью. Да и Вечность – ничто в сравнении с этими легкими минутами, часами, днями, месяцами, годами Блаженства. Секундами Подлинной Независимости.

Шепот Времени доносится до тебя отголосками ветра, и ты слышишь беззвучные слова: «Верь в Это, Живи Этим, Помни ВСЕ...» И ты помнишь, помнишь, помнишь... Вопреки Всем Ошибкам Реальности. Да, пожалуй, ты навсегда останешься ребенком. ОТЧУЖДЕННЫМ. БЕЗУМНЫМ. НЕЗАВИСИМЫМ...

Ряд Системных Ошибок.

Нет ничего проще, чем превратиться в Мертвяка. Спросите у любого за углом. Невинность теряется вместе с приходом зрелости. Ты становишься еще одним мотыльком, летящим в огонь.

Клеймо Убийцы ставится засекреченным агентом Всемирной Организации Штурмовиков, работающим под прикрытием – для этого сойдет роль стареющего лысоватого школьного учителя, имеющего педофилические наклонности. Тебя ведут к Алтарям Безумия, окропляют пеной Отчуждения, и ты получаешь Регистрацию в Системе.

Теперь ты можешь поступить в Университет, чтобы проторчать там бесцельно несколько лет и получить степень бакалавра по специальности Пожиратель Мозгов. Пожирание Мозгов – весьма популярное занятие в Системе. Специалисты в этой области используются сомнительными политическими структурами, главным образом, различными тираническими и полицейскими режимами с целью контроля мышления. Они просто врываются к вам в дом и, введя вам снотворное, высасывают мозг – это делается при помощи ряда нехитрых приспособлений, к которым относятся ножовка, молоток и пара стеклянных трубок. После этой метафизически простой процедуры вы становитесь идеальным гражданином идеального унифицированного государства. С чем вас и поздравляю.

Но в моем случае сдвиг произошел раньше. Я подвергся ряду Системных Ошибок и потихоньку схоронился на стороне. Я залег на дно в Притоне, где находили свой конец Розовые Мечты. Сальто-мортале в сторону Искаженной Реальности. Обществу нравятся Безголовые, но понравишься ли ты таким себе самому?

Штурмовики периодически прочесывают Систему, ищут Отказников. То есть таких как я. Но Притон достаточно скрытое место – чтобы не привлекать лишних глаз. Отчужденные вольнодумцы Объединенного Королевства Отчуждения.

Падающий на жилые кварталы горящий самолет. Исполинский каменный фаллос, взлетающий в небо подобно космическому кораблю. Чужие мозги, размазанные по асфальту. Недремлющее око телевидения. Кто высосет мозг первым?

Окружающая нас реальность – мыльный пузырь. Переливающийся всеми цветами радуги. Красивый снаружи. Пустой внутри. Схвати руками Пустоту.

Идолы Мертвых Времен. Вечно меняющиеся личины личинки Аскариды Настоящего. Скелеты бездушных фабрик, где производят пластиковых младенцев для бездетных семей. Черные бараки безысходности, где суицид – такое же обыкновенное дело, как, скажем, акт дефекации. Чужие кишки не осият твой медленный яд. И одна за другой ошибки плетут свое ожерелье.

Ошибка первая: воспринимая все слишком всерьез. Самоубийства скорпионов в отдаленной пустыне. Безумия разгневанной религиозной толпы. Квадратный корень смерти. Одинокий – ты на острие ножа.

Ошибка вторая: сумасшествие окружающей действительности. Изнасилования крамольных идей. Тараканьи бега вездесущих Торговцев Иллюзиями. Поражение Истинного Знания, торжество Глупости. Серые массы несут свои флаги на центральную площадь.

Ошибка третья: подавление либидо. Сплетенные языки языческих богов. Племенные оргии и церковный экстаз. Похотливые священники, насилюющие пятилетних детей. Штурмовики контролируют все это.

Ошибка четвертая: ТЫ ВЫБИРАЕШЬ ЭТО ПО СОБСТВЕННОЙ ВОЛЕ! Лоботомия теперь распространена повсеместно, как средство избавления индивида от мук совести.

Чернокнижники трепещущих сердец. Каратели слезливых четверостиший. Отдай им себя. Отдай им свою плоть. Выверни себя наизнанку.

Разглядывая цветной калейдоскоп летних закатов, вдыхая воздух выжженных промышленных зон, куря в дешевых заблеваных забегах, любя трехголовых женщин, кончая в пустоту, крича в черные окна реальности, вырывая сердца младенцам-гермафродитам, шагая по рельсам гнева навстречу приближающемуся поезду отвращения, убегая от новых мыслителей, увешанных бусами из человеческих мозгов, забегая в тупики, выковыривая чайной ложечкой моральный жир из задних проходов сверхновых царей, разбирая себя на части в темных углах Притона, умирая от выедающей плесени одиночества, заглядывая за край бездны, распростершейся за окном, слизывая капли дождя с высоковольтных проводов, растворяясь в отчужденности пресловутых образов, взбираясь на эшафот собственных достижений, падая с небоскребов гордости, разлетаясь тополиным пухом над улицами и каналами самого северного города на земле, взрываясь миллионом алых пузырьков, вонзая иглу бесчувственности в скользкие вены бытия, улетаая на воздушном шаре первобытных страхов, выслеживая бродячих собак, сжигая мосты, превращаясь в облака, одинокие и бездомные, я вижу гирлянды из повешенных.

Головосуп.

В общем, делается это так. Вам производят необходимый в таких случаях надрез и удаляют мозг, то есть вычищают черепную коробку НАЧИСТО. Вместо мозга внутрь вашего черепа помещают субстанцию, напоминающую китайскую лапшу быстрого приготовления, хотя, возможно, это и есть китайская лапша быстрого приготовления. Затем все это дело аккуратно зашивается хирургической нитью – и перед нами АБСОЛЮТНО ТОЛЕРАНТНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛИЗИРОВАННОГО ИНДИВИДА. Это называется ТРАНСПЛАНТАЦИЯ.

Несложная операция с простыми составляющими, и на выходе – человек с супом в голове (нечто подобное я однажды наблюдал в одной из художественных галерей – инсталляцию под названием «МОЗГИ ИНТЕЛЛИГЕНТА»: приделанный к листу фанеры стульчак от унитаза, наклеенная на него газетная вырезка с бородатым еврейским лицом и буквы из той же газеты, призывающие ни в коем случае не поднимать крышку стульчака во избежание... ну, вы же знаете, что такие надписи делаются с одной целью – спровоцировать действие, обратное ее содержанию, а под крышкой... что-то, сильно напоминающее засохшие экскременты вперемешку с макаронами – впечатляющее зрелище, скажу я вам). Так вот перед нами модель, притом толерантная и социализированная.

Этакий ГОЛОВОСУП. Один из нас. Существо с устойчивым политическим настроением. Довольное всем. Умеренное и индифферентное. Развевая по ветру пыль. Осталось лишь произвести необходимую настройку.

Настраивается трансплантированная особь при помощи телевизора. То есть щелчком кнопкой на пульте, экран разрывают статические сполохи – и настройка пошла. Тампаксы и памперсы там всякие – загрузочная информация, в общем. А через несколько часов непрерывного просмотра телевизора наблюдаемая особь уже орет от счастья. Она довольна и сыта. И больше ей ничего не надо. Совсем ничего. Это трансплантация, мать ее, ТРАНСПЛАНТАЦИЯ.

Несложная операция с простыми составляющими. Насколько нам известно, такая практика проводится в жизнь во всех цивилизованных государствах. Во всех полицейских государствах. Надо полагать, первое и второе – одно и то же.

Распродажа душ.

Неоновые солнца уличной рекламы пронзили ночь. Пауки огней сплели электрическую сеть, опутавшую мегаполис. У банка растянулась дохлой гадюкой серая очередь.

Они покупают и продают, вкладывают и получают проценты. Красивые и дорогие шлюхи вдоль затянутого световым туманом проспекта ждут своих клиентов. Биржа любви. Рынок ценных бумаг и счастья.

Их женщины блистают благородными металлами и драгоценными камнями. Их лица лоснятся от макияжа и похоти. Мужчины, облаченные во фраки, ставят ставки на то, каким будет завтрашний день. Они купили свое будущее на много лет вперед.

Асфальт, забрызганный каплями недавнего дождя, сверкает отраженными огнями топчущих его лимузинов. Красивый мир. Фальшивый мир. Красота – сладкая ложь.

Сталь и бетон сожрали небо. Звезды тускло блестят, уступая неону и роскоши бриллиантов. Черные пасти отелей проглатывают все новые и новые порции наползающих червелюдей. Мужчин и женщин, которым предстоит провести там всего лишь одну ночь. Потрахать и разбежаться. Расползтись по неоновому раю.

В черном грязном переулке, еще не тронутым неоновыми тараканами, тихо плачет маленькая девочка...

Депрессия.

Пепельно-серые сморщенные лица Старух смотрят на меня. Смотрят в меня. Как и дождь, расплосовавший окно на рваные мутные фрагменты. Как Торговцы Состраданием, пришедшие постоять над Квази-Могилой. Как Квази-Реальность, в которой эта могила существует.

Одна Точка. Одна единственная Точка, приковавшая мой взгляд. В этом Сгустке Пространства паук пожирает пойманную муху. В этой Точке дуло пистолета своим пристальным взглядом находит висок Жертвы. В этой Точке без суда и следствия вздергивают невинных младенцев. И теряется Невинность. И поэты навсегда обретают Покой. И Рифма превращается в сгусток блевотины, рвущийся по пищеводу навстречу всем космическим мирам и реальностям, рождающимся и умирающим в это самое мгновение.

Полиции Дождя в этой Точке отслеживают мой взгляд сверхсовременным ультразвуковым сонаром. Пастыри Отчуждения в ней читают за меня молитвы Бесчувственному Червя Мироздания. Контрафактная реальность в ней обретает мою душу.

Сигарета превращается в пепел, обжигая мне пальцы. Рождение Боли. Смерть нейронов. Инфразвук, пульсирующий в моем мозгу. Гонококки Бытия разносят свою заразу.

Короткометражный фильм о том, как воины Сверхнового Джихада отрезают головы Розовым Мечтам. Путешествие вглубь Пространства. И пустота себя.

Отсчет времени начат. Вслед за ним погибает Любовь. Пятнадцатилетняя дура,

изнасилованная Штурмовиками Системных Ошибок. С проломленным черепом она валяется на дне сточной канавы и смотрит пустыми глазницами в Ничтожность Бытия. В Сумерки Разума.

Наркодиллеры с Окраин цинично усмеваются. Ты у них на крючке. Их новая уловка - этот новый наркотик, кажется, он называется Иллюзия Счастья. Чертовски забористая штука. С нее уже не слезешь.

Все сходится в Точке. Манекены, нападающие на людей и выедающие у них внутренности. Улитки нежности. Марабу милосердия. Стервятники детского смеха. И я вижу клеймо у себя на плече. Это буква D. И я знаю, что она обозначает. И ты знаешь. И все знают, но боятся признаться себе.

И дождь шепчет мне на ухо: "Скажи! Скажи им всем..." Но я молчу.

Я знаю, что это Death. И я знаю, что это Депрессия.

Будда, смеющийся в небесах.

Не спал всю ночь. Одиноким расширенным зрачком луны смотрел в мое окно. Наполненный болью и страхом. Мысли закручивались спиралью, сжимаясь в тяжелый комок. Этот комок подобно раковой опухоли рос, стремясь разорвать оболочку черепа.

Слышались шорохи. Скулеж и стоны. Шаги на лестнице. Ночные голоса Притона. Я был болен. Болен этими мыслями, не покидающими меня ни на минуту. В небе, растворенном в стекле окна, колыхался неясный силуэт. Угрожающий. Слово застывший в сыром облаке ужас.

Утро заползло в комнату голодным удавом, сжимая на моей шее смертельную петлю. Я встал с кровати. Пустота наполняла комнату. Гнетущая. Холодная. Бесчеловечная. Пустота. Только она. И смятые нестиранные простыни. А небо... небо заволакивало свинцовыми тучами.

Шел на ощупь в полутьме длинным коридором. Наполнял неудобную кухню сигаретным дымом, пытаюсь собрать в одно целое кусочки рассыпавшегося бытия. В углу Некто посредством инсулинового шприца посылал в красную сожженную вену Отраву. Я не запомнил лица, не имея уверенности, что оно вообще было на месте бледного мутного пятна.

Горький чай обжигал горло. Безысходность существенно повышала свою концентрацию в сером утреннем небе и в моей душе. Мысли не давали покоя.

--Зачем?-- Отчужденно -- Бессмысленность -- Мне? -- Это смерть? --

Зачем мертвецу вечность? Или это серое утро, отчужденно взирающее на своих пленников? Кухня, комната, Притон представлялись мне огромной клеткой, где доживают остаток дней и находят свой конец последние – те самые заветные, которые мы оставляем про запас, для таких вот случаев – мечты.

-- Возможности -- Ускользают -- Умирают -- Какие Возможности? -- Ты рехнулся? --

Бежать. Бежать сломя голову. Прочь. Прочь отсюда. В Небытие. В Вечность. В серое однообразие этого утра, нависшего надо мной словно могильщик над распахнутой могилой.

Заметая следы, я уходил. Сжигал мосты. Прорывался сквозь мутную пелену дождя. Сквозь грязь и слезы. Сквозь огонь безумия, испепеляющий меня изнутри. Чьи-то зеленые кошачьи глаза безжалостно смотрели мне вслед.

Я несся в потоке людей, их теней, теней вообще. Навстречу такому же потоку. Захлестывающему с головой, сшибающему с ног. Боль билась в висках басовой струной, рвущейся на самой низкой ноте.

Я смотрел в эти лица. И не видел ничего. Это Серийные Убийцы вышли на охоту. Их ноздри втягивали воздух, вынюхивая добычу. Падальщики. Все эти тени скользили рядом со мной,

навстречу мне, сквозь меня. Они шли убивать, они убивали уже сейчас. Ежесекундно. Смерть не случайно выбрала их на роль своих Апостолов...

-- Стреляй в меня -- Жри меня -- Плюй в меня -- Волоки на дыбу -- Вздерни меня --

Игра на выживание. Или извечная погоня Ахилла за черепахой. Колючая проволока сомнений, обхватившая голову словно терновый венец. Лысый череп моей Голгофы.

В этом бреде тонули капли дождя, сырые шаги, слезы, время и пространство. Я бежал сквозь пустыню. Видел безумцев, изрыгающих Проклятия. Торговцев Смертью. Жрецов Отчуждения. Колоссов Сумасшествия. Серых Штурмовиков, прочесывающих квартал. Проверяющих Регистрацию в Системе. Бросал лепестки черных роз на окровавленные алтари Страдания. Кем я был? И был ли?

Монстры моего собственного разума преследовали меня. Шли по следу. Искали. Рассекали пустоту рубцами Факельных Шествий. Я уходил безликими дворами, прятался...

Спустился в Подземку. Нырнул в облако Безглазых. Бесцельно Бредущих. Прячущих Лица. Наивно искал тепла, прижимаясь к соседям. Ощущал лишь холод и отчуждение. Меня трясло. Озноб рвался из темной пасти Тоннеля, пробирал до мозга костей. Грохот и хохот.

Куда ты? Постой. Некуда спешить. Жизнь – вспышка молнии в кромешной темноте. Раз – и погасла. Ничего нет. Кроме бесчувственной Пустоты.

Еле выбрался из Лабиринта. Минотавр сожрал меня, но не смог переварить. Он вышвырнул меня на поверхность вместе с потоком мирской рвоты. Сгустком крови. Плевком, растертым по асфальту. Наркотическим бредом. Потоком сознания. Я расплылся по Поверхности, ища Свою Точку. У каждого есть Своя Точка.

Крики детей, залиvistый смех и звон колокольчиков. Человек, умерший в сточной канаве. Все перемешалось. Слово краски на полотне импрессиониста. Разорванный миг.

Ощущение Вибраций. Где-то глубоко. Глубина есть во всем. Осознай-ка Это. Осознай себя червем, ибо червем ты и являешься. Червь же точит тебя изнутри.

Я узнал это место. Подобно тысячам других, которые я приволок с собой из всех Прошлых Жизней. Здесь топорщились над океанской гладью Камни Забвения. Я взобрался на них. Истерзанный. Истощенный. Полумертвый.

-- У каждого есть лишь миг Осознания и лишь миг Прозрения, запомни, лишь один миг--

Я взглянул на небо. Ветер надорвал девственную плевую туч, и Свыше хлынул солнечный свет. Языческий пляс пестрых лучей. Заиграл бликами на воде. Я видел бушующий океан. Океан человеческих сердец. Рваные лохмотья туч над ним. И Свет. Свет, льющийся сверху.

Мостом Бытия, сломанным позвоночником Мироздания протянулась через все небо Радуга. И я увидел. Его. Исполинского Будду, расцвеченного миллиардами красок. Осененного пламенем звезд. Он хохотал. Безумным смехом. Смехом Обреченного. Или Просветленного. Не важно.

-- А теперь запомни последние строки, ибо в них скрыт смысл всего --

И я понял. Каждую секунду мы воруют что-то у себя. Каждую секунду находим. А Ему плевать. Он просто смеется. Как лицо на картинке. Как тени Будущего, кружащие над пожаром Прошлого.

Это был Он. Все – и одновременно Ничего. Просто Будда. Будда, смеющийся в небесах. Да, это был он. Таким я его и запомнил...

Something...

Ночь – плоть, разъеденная гангреной. Асфальт блестит от осадков. Щупальца многоэтажек тянутся к небу. Окна верхних этажей матово мерцают.

- Я тебя люблю... - губы сливаются в судорожном движении, слюна мешается с чем-то горячим, чем-то большим, чем кровь. – Я тебя хочу... - плоть проникает в плоть, торжествуя, взрываясь криком...

Миллиарды молекул. Гранит. Вещество. Материя. Стена. Комната. Холодная. Лишь язычок синего газового пламени. Ложка в дрожащей руке. Выкипающая жидкость. Покрасневшие глаза. Нарастающий импульс. Шприц. Контроль. Алое мешается с прозрачным. Уходит в плоть. Тишина. Зубной скрежет. Приход. Меркнувший импульс. Сила. Слабость...

Паук, раскинувший сеть, выжидающий жертву. Запах смерти. Запах страха. Множество тонких маленьких лапок внезапно оживают, и он начинает движение. Одновременно железы вырабатывают яд. Щели, испещрившие стену. Сотни микроскопических щелей. Для паука – это тоннели. Ходы, связывающие охотника и жертву. Пространство, связавшее воедино рефлексивное возбуждение и рефлексивный ужас...

- Я не верю в смерть. Потому что это конец, а как может быть конец у того, что не имеет начала? Закрой глаза. Поверь буддистам с их реинкарнациями. Ты стоишь перед стеной, высокой стеной. Она всюду, со всех сторон. Из-за нее не видно солнца. Тупик? Конец? Приставь лестницу и убедись, что нет. Скала. Обагранные закатом пики гор. Конец? Сделай шаг и начни полет. Берег. Бирюза, впившаяся в желтый песок. Слизь медуз. Рваные клочья пены. Соленые капли на ботинках. Конец? Там живут рыбы и моллюски. Это начало.

Потолок. Абажур люстры. Нервно моргает свет. Скрип веревки. Человек повесился. Это маленький принц. И его большой мир вокруг. Он обмочился. Обвис. Но он – нерв. Болезненный. Напряженный. Начало.

Они тратят свои деньги, вкладывая их в бизнес, в недвижимость, в автомобили... Они тратят свои деньги на наркотики. Они живут от ломки до ломки. Страх – вот что довлеет над ними. Страх – вот что ведет их. Правит ими. Для них нет правительств и президентов, страх – их царь и бог. Человек без лица, что наблюдает из темноты; тот, который дергает за нити... И марионетки пляшут...

Рассвет.

Полоса звездного неба нехотя отползает, подминаемая кровожадным востоком, словно бы бульдозер стирает ее своим беспощадным стальным ковшом. Через пять минут стекла станут похожи на лакмусовые бумажки. Я отворяю окно в надежде увидеть восходящее солнце.

Ничего. Бетонная масса многоэтажки напротив отгородила светило от меня навсегда. Ледяная тень затопила двор до краев, наполнив его страхом и безысходностью.

Внизу блюет человек. Его худое изломанное судорогой тело согнулось пополам над мусорной кучей. Холод и мрак обступили его. Редкие окна проснувшихся людей смотрят на него волчьими глазами. Его стон напоминает крик раненого зверя.

Разрисованный граффити забор вытянулся оградой концлагеря. Солнца нет. Лишь клыки небоскребов, впившиеся в небо. По ним стекает кровь солнечного света. Рассвет.

Рассвет, которого я никогда не увижу.

Отчаяние.

Системные ошибки никогда не бывают случайными, уж поверьте. Добрый телеклоун никогда не расскажет тебе об этом, но это так. Красивые картинки из сладких грез. Торговцы Иллюзиями, равно как и Пожиратели мозгов, знают об этом. Система сама подсовывает тебе свой товар. Мир полон наркотиков, и твое любимое шоу – не исключение.

Потребляй. Пожирай. Саморазрушайся. Огромный Червь правит миром, и ты его кормишь. Детские сны горных вершин. Морды кровожадных чудовищ из телеэкрана. Ты на крючке.

Сладкая вата у тебя во рту – вот твои кошмары. Твой будничныи кайф. Система подсовывает тебе сироп, экстрагированный из человеческих сердец. Выпей, парень, выпей. Все твои иллюзии с тобой, будь здоров.

Диснейленд позапрошлых вторников. Шоколадная реальность. Не думай. Отключи сознание. Усни среди лепестков и половых губ. Расклад ты знаешь.

Отчаяние растет. Крик в пустоту. Крик в черные окна Разума. Тошнота, подступающая к горлу. Лезвие бритвы, усердно кромсающее плоть. Призраки из шкафа. Разрыв проводов. Смерть нейронов.

Эшафот давно сколочен и толпа собралась, чтобы поглазеть на казнь. Пустая квартира, полная пауков и страхов. Голый, свернувшийся в позе эмбриона, ты валяешься в углу. Иллюзий больше нет. Есть лишь боль. Время Уныния прошло, наступает Эпоха Отчаяния.

Солнца гаснут, оркестры играют траурные марши. Звезды рассыпаются в руках как труха. Вечная тьма в запертой комнате. Вечные рабы, живущие здесь. Телевизионные убийцы и Пожиратели мозгов. Мы – лишь тени самих себя. Не верь никому. Не верь себе.

Великий обманщик дурачит тебя, дурачит меня. Слишком много воздушных шаров. И твое бальное платье. Сиськи и мокрощелки. Нет ничего. Мыльные пузыри. Похищенное сознание. Мы живем в Эпоху Отчаяния.

Продано! Продано! Крик мечется под потолком, резко падает вниз и вонзается в твою грудную клетку. Он вырывает сердце и бросает его в центр жаждущей расправы толпы. Кончено! Кончено!

Занимаясь любовью с Пустотой. Штурмовики здесь, они рядом. Они унюхали тебя, приятель. Целомудренная действительность. Почти как девственность. Девственность, которой мир лишился на руинах Хиросимы. Твой сладкий яд.

А по ночам приходят они. Торчки, подсевшие на зарин. Боевое отравляющее вещество. Красные глаза, острые клыки. Прикасаясь к ним. Ощупывая реальность. Ты чувствуешь покалывание на кончиках пальцев. Ты – один из них. Отчаявшийся.

Слезы превращаются в кислоту. Чувства становятся куклами из папье-маше. Лужа блевотины растекается по алтарю. Выжидая в Притоне. Молись. Но это никому не поможет.

Я знаю. Ты знаешь. Но больше сказать нечего. Поймай саламандру за хвост. Поймай самого себя в темных коридорах реальности. Расщепленная на атомы действительность. Квази-бытие.

Карты сданы. Игроки замерли в ожидании. Ну, кто рискнет? Опасность космического размножения. Новый системный вирус. Он ползет и поглощает все. Мы принадлежим Червю. И только он знает, что будет дальше.

Бомбы падают с небес подобно искрам психоделического фейерверка. Дети восторженно поднимают свои руки навстречу им. Улыбки плавают на дне океана. Секунда, две... Взрыв. Все меркнет. Помрачение? Возбуждение... Свет – яркий, как плеск ржавого ведра о воду на дне старого колодца. Пульсирующие конечности. Бьющая фонтаном кровь. Беззвучный плач, рвущийся из разорванного живота.

Палачи здесь. Они пришли за тобой. Их интересуют твои сны. Они заберут их. Ночи будут полны ментального молчания. И тьмы. Круг разорван. Океан Отчаяния бьется о стены домов. Бесконечности больше нет.

Пределы видны, и ты знаешь, что делать. Твоя Голгофа здесь. Твое распятие сейчас. Гнусный обманщик. Бесплодный творец. Получи свое! Получи себя!

И умирают рассветы, и гаснут закаты. И нет прошлого, нет настоящего, и очевидна иллюзорность будущего. Разложение идет полным ходом. Еще одна мумия. Бездонность глаз. Черные провалы страха. Ты здесь. Сейчас. И больше никогда. Отчаяние.com

Сон... Конец коридора... Чьи-то шаги... Ты боишься, ждешь. Чего-то того, что неизбежно произойдет. Так должно быть. Так будет. Мы не в силах менять. Сны сами приходят к нам, и мы становимся актерами, режиссер – некто свыше, некто извне. Безвестный демиург, в руках которого главное – наши души. Ибо сон... сон есть пограничное состояние между жизнью и смертью. Мы спим одну треть своей жизни. Одну треть жизни мы умираем. Мы привыкаем к тому, большому, странному, холодному, мистическому сну, который ждет нас в конце. Все мы – Убийцы. Убийцы самих себя. Рыцари Смерти. Гремя латами, идем по коридору. Навстречу себе. Навстречу своему страху. Не надо слов. Молчание... И все мистические отголоски во мне льются чистой песней отречения.

Мышеловка.

Побег в Страну Иллюзий сквозь Туман Отчаяния. Посты на всех дорогах. Тотальная проверка. Тотальная чистка. Смех Будды в небесах. Никто не поможет.

Ты поставил не на ту лошадку и проиграл. Беги. Это все, что тебе остается. Знание приносит боль. Боль приносит страх. Страх – краеугольный камень мироздания.

Черный провал города. Он раскинулся на много километров, похожий на огромную женщину с раздвинутыми ногами. Между ног – сырость холодного залива. Кровь, бегущая из вскрытых вен. Уходящая в Океан Грез. Навстречу Розовым Мечтам. Декабрьский холод, кристаллизующийся на подкладке потертой армейской куртки. Ты – узнаваем.

Прячь лицо в ладони. Ощущай липкий пот, сочащийся из пор кожи. Ощущай лаву, рвущуюся из алых разрывов на груди. Ступенчатый сброс. Сбой твоей личной Системы.

Никто не уйдет от них. Штурмовики Системных Ошибок следуют за тобой. Ты – их добыча. Их послала Смерть. Беги.

Но это бег никуда. Ты просто топчешься на месте. Огромные живые мокрощелки прыгают на тебя из-за угла с одной лишь целью – сожрать. Ужас в стекленеющих глазах. Удары сердца, похожие на пульс далеких галактик. Раненые звери уходят сквозь горящий лес. К своей личной Пропасти.

Наступление сумерек похоже на свист лезвия гильотины, срывающегося с мертвой точки. Ты в пути. Ты всегда в пути. Ты бредешь сквозь тьму и метель в неизвестном направлении. Единственное, что движет тобой, – это страх. Боязнь умереть. Сдохнуть в сточной канаве, подобно крысе. Или отдать концы в теплой ванне, захлебнувшись собственной рвотой, сжимая дряблый член в руке. Беги.

Стены, стены... Ты строишь их везде, куда приходишь. Ты пытаешься отгородиться от внешнего мира. Ты никогда не видел ничего, кроме стен. Каменных стен Отчуждения. За каждой стеной тянется еще одна стена, миллионы параллелей. Но однажды эти параллели пересекаются.

Ты заперт. Пожиратели Мозгов тут как тут. Следом за ними придут Штурмовики. Это не игра, парень, это уже серьезно. Ты влип. Слишком много соблазнов.

Каждую секунду мы умираем. Умирает что-то в нас. Умирает Время. Слепым бельмом наползает Хаос. Истинный хозяин всех земель. Беги.

И вот параллели сходятся в точке. Идти больше некуда. Ты здесь и сейчас. Замкнутый. Пустой. Разбитый. Окруженный высокими стенами, созданными твоим сознанием. Ты знаешь это место. Ты видел его миллионы раз в своих снах. Впадая в кому. Нырять глубоко внутрь себя. Распадаясь мириадами потухших солнц.

Это мышеловка.

Электричество.

Тот, Кого Я Не Ждал, выстрелил мне прямо в лицо. Последнее, что я видел, - это ствол его охотничьего ружья, окутанный облаком порохового дыма. Потом была чернота. Представьте себе: огромное звездное небо, большая медведица, я... Мы – одной крови. Он и я. Только у него есть ружье.

По оборванным проводам, повинуюсь неведомой силе, ползут электроны, сотни микроскопических заряженных частиц. Почти как пыль. Как дробь. Мне больно.

Штурмовик. Он стоит надо мной и смотрит на мое поверженное тело. Я – его жертва. Он – хищник. Боль, страшная боль пронзает меня, выжигает мозг. Алое пятно занимает все пространство, растекается, ползет – соленое, теплое...

Так-то вот. Провода провисли надо мной от снега. Белая шапка легла всем весом на эти провода, и они прогнулись. Прижались к земле. На это больно смотреть.

Он ужасен. Черный капюшон его плаща откинут, и я вижу крупное лицо с мощными челюстями, каменными скулами. Он небрит. Я бы не сказал, что щетина ему не идет. Его лицо очень мужественно выглядит небритым.

Я лежу возле поваленной линии электропередачи. Вчера была буря. Обрыв линии. Я не понимаю, как нас до сих пор не убило. Здесь десять тысяч вольт...

Он смеется, его зубы... Его зубы огромны. Это полмира. Два ряда белых, ослепительных зубов. Они как снег. Еще мне больно...

Он перезаряжает ружье. Это не оставляет мне шансов. Жаль. Притон раскрыт, скрываться больше нет смысла. Торговцы Иллюзиями могут в таком случае подсунуть какую-нибудь дрянь, но она мне не нужна. Я сдохну как собака, но видя мир таким, каким он и является. Куча дерьма.

Электрический ток – дельная вещь. Электрические ночи твоих городов затмили звезды. Ты хотел этого? Поставь на колени Вселенную. Поставь на колени Прошлое. Поставь на колени Время. Смерть...

Да, вот о чем я не подумал: электричество – это Смерть. Ровно настолько, насколько и жизнь. Он смеется мне в лицо. А я... я остываю.

Снег забирает мое тепло. Все, мне крышка.

Кончился ток.

Гаснет свет.

Я устал.

Устал бороться со смертью.

Электричество борется с темнотой, раскаляя добела вольфрамовую нить; я борюсь со смертью, пытаюсь остановить кровь, пытаюсь сделать на один судорожный глоток воздуха больше. Сущность жизни – воровство. Мы воруем у Смерти. Она – хозяйка. Она гневается. Еще бы – ее обокрали!

Кончается электричество.

Гаснет свет.

Мне уже не больно.

Он убил меня. Выстрелил мне в лицо. Посмеялся надо мной. Хозяйка послала его забрать свое добро назад. Проучить вора. Наказать его. Она права.

Абсолютно.

Комната (Рассказ).

Целесообразно сразу задать вопрос: а существует ли комната? Является ли она частью объективной реальности или вся от начала – плод воображения, так сказать, квинтэссенция помыслов и представлений о ней?

Возможно, она подобна запечатанному конверту, в котором нет письма; она – тайна, не имеющая разгадки или же разгадка, существующая при отсутствии тайны. Не важно. Возможно, природа комнаты такова, что нельзя однозначно сказать: относится ли она к внешнему миру или исключительно к нашему сознанию.

Четыре ее стены обклеены выцветшими обоями, модными в прошлом веке, под которыми скрываются старые газеты, несущие обрывки призрачной информации, обесценившейся за многие года, прошедшие с тех пор, как газеты попали в комнату. Хроники войны, герои которой давно почили в забвении, новости с летней олимпиады, наша сборная тогда выступила неважно, проходные статьи на такие же проходные темы, биографии знаменитостей, большинство из которых были мертвы уже тогда, не говоря уж о сегодняшнем дне (алкоголь, ожирение, героин и злоупотребление косметическими средствами – вот что их сгубило). В каком-то роде они похожи – эти газеты и комната – всеми забытые и впавшие в безвременье, покрытые толстым слоем пыли реальности, вещи сами в себе, сокрытые, существование которых фантомно и, по сути, недоказуемо. Но газеты – это лишь часть комнаты и только.

Как и старинный комод, покрытый художественной резьбой, и шкаф с книгами, и зеркало в бронзовой оправе. Зеркало... Комната застыла в нем, словно небо в озерной воде, чистое и выкристаллизованное, и не ясно: то ли зеркало отражает комнату, то ли комната проецирует себя в нем.

Комната наполнена густым сумраком, в котором теряется связь между причиной и следствием. Возможно, причина и следствие – вообще неуместные слова, когда речь идет о комнате. Комната просто есть, и не имеет значения, какие причины побудили ее переход из небытия в реальность, как и то, насколько она реальна вообще.

Но вопрос о причинно-следственной связи невольно толкает нас к вопросу о жизни и смерти. И хотя жизнь комнаты (как и ее существование в целом) неосвязаема, смерть для нее скорее факт, нежели образ. Комната видела смерть. И не одну. Она попробовала эту монету на зуб.

Поскольку ее существование неопределенно, комнате уготована вечность, и сквозь эту вечность прошло немало человеческих концов. Комната лицезрела то, как опускается занавес в коротком и абсурдном спектакле под названием жизнь.

Девушка, чей возлюбленный не вернулся с одного из фронтов прошлого. Телеграмма. Слезы. Глоток уксусной эссенции. Некролог. Короткий отрезок на бесконечной прямой времени.

Ребенок, подавившийся игрушкой (в инструкциях к таким игрушкам обычно пишут, что они **СОВЕРШЕННО БЕЗОПАСНЫ** для детей). Маленькое холодное тельце с посиневшим лицом. Безутешное горе родителей. И слезы... (снова слезы – куда уж без них – комната впитала в себя океан человеческих слез).

Три мужчины. Гражданин ПО, Гражданин ХУ и Гражданин Й – так их зовут (несмотря на схожесть их имен с китайскими, они – НЕ китайцы). Комната. Одна против троих. Но, невзирая на их численное преимущество, победит она – стоит только начаться схватке. А пока она ждет.

Мужчины замкнуты в этом пространстве, в неопределенности этой комнаты (если внимательно приглядеться, контуры их тоже неопределенны и размыты, а вместо лиц какие-то лоснящиеся пятна). Повторимся: только они и комната. Конечно, если бы они могли выйти, покинуть комнату... Но ничего не получится – в комнате нет дверей (даже если они и есть – можно оспорить их существование). Мужчины в растерянности.

Они почти не разговаривают друг с другом. Гражданин ПО нервно ходит по комнате. Гражданин ХУ достал из кармана автоматическую ручку и щелкает кнопкой, выдвигая

стержень и убирая его. Один лишь Гражданин Й на вид спокоен, но нельзя сказать с уверенностью, что внутри у него творится то же самое. Мужчин определенно пугает неопределенность их положения.

Комната не имеет дверей, что уже само по себе должно смутить и ужаснуть рассудок, потому как возникает уместный (он-то и пугает больше всего) вопрос: а как же мы сюда попали? И, если попали, то куда делась дверь? И (об этом вообще не хочется думать – от одной мысли мурашки бегут по рукам, а на затылке шевелятся волосы), может, мы совсем сюда не попадали?.. но... тогда где мы?

Комната не расскажет, она крепко хранит свои тайны. Если мы сюда не попадали, следовательно, комнаты не существует, но все же мы здесь – а тогда, возможно, не существуем мы... (человек, находящийся в несуществующей комнате, не существует). Причина без следствия. Или следствие без причины...

Гражданин ПО закуривает, но тут же бросает сигарету на пол. Курить не хочется, от табака остается только горький привкус во рту. Гражданин ХУ по-прежнему занят своей автоматической ручкой. Возможно, она сейчас заменила ему реальность. Гражданин Й похож на медитирующего буддийского монаха, он крутит косяк, потом жестом предлагает остальным, те отказываются. Он прикуривает косяк и медленно втягивает дым. Его спокойствие способно раздражать. Его спокойствие раздражает...

Усомнившийся в своем существовании уже самим фактом зародившегося сомнения ставит себя на путь смерти. Несуществующее, какой бы страшной силой оно не было поднято из небытия, должно вновь обратиться в небытие. Останется только комната. Над ней не властно даже время (времени свойственен атрибут последовательности, когда одно мгновение следует за другим, одно порождает другое и т.п., тогда как комната напрочь лишена подобных свойств).

Все произойдет внезапно. Без всякой причины – как и все, что происходит в комнате. Без какого-либо смысла, лишь как проявление незримой воли, неуправляемой силы (это сама КОМНАТА?), которая негласно правит в этих стенах уже тысячи лет. Гражданин ПО и Гражданин ХУ, не сговариваясь, бросятся на Гражданина Й (это раздражающее спокойствие... отрешенный взгляд... черт, здесь же должен быть выход... если только мы вообще существуем... нельзя же быть таким спокойным... курить травку... нужно найти выход... ему все равно?.. БЕСИТ!!!), Гражданин ПО вцепится ему в шею и примется душить, а Гражданин ХУ будет держать сопротивляющееся тело, пока оно не обмякнет (он получил свое! нельзя же быть таким спокойным... но где же выход?.. нельзя быть таким РАЗДРАЖАЮЩЕ спокойным в самом деле-то...). Гражданину Й конец.

Вряд ли удастся обнаружить причинно-следственную связь в действиях мужчин. Взрыв эмоций, приступ внезапной агрессии, реакция на замкнутое пространство... Они тут же растворятся и исчезнут, отыграв свою сцену, достойную шекспировского пера. Гражданин ПО, Гражданин ХУ и несчастный Гражданин Й превратятся в пыль, которая осядет на поверхности комода и полках книжного шкафа. Комната вновь останется одна.

В комнате постоянно кто-то умирает. Любая жизнь в комнате эфемерна, и только смерть держится на твердых позициях центрального форварда. Комната доказывает призрачность и случайность жизни. Любое внезапное рождение, произошедшее в ее стенах, неизменно оборачивается такой же внезапной смертью. Возможно, все дело в том, что в комнате нет выхода. Или входа – это как посмотреть. То есть, по идее, в нее изначально никто не может попасть, а, значит, и не может в ней существовать. Ни при каких раскладах.

Отсутствие входа/выхода подобно отсутствию причины и следствия – их просто нет. И нет бытия как такового. Есть лишь комната – и она – ВСЕ...

Но в комнату никто не может войти, как никто не может из нее выйти. В комнате никто никогда не бывал. И это снова возвращает нас к вопросу: а существует ли комната?

Мост (Рассказ).

Это мост. Огромная железобетонная конструкция, нависшая над мутной речной водой. Линия, соединяющая две точки пространства – этот и тот берег. Линия, соединяющая прошлое и будущее; отрезок, в котором заключено настоящее. Время как будто остановилось, секунды кажутся чем-то призрачным, не большим, чем капли воды, срывающиеся с моста вниз. Я стою на мосту.

В сгустившемся воздухе я чувствую средоточие энергии, которая свободно течет в пространстве. Нет ни неба, ни земли. Есть лишь мост, который завис над рекой, как летающий остров из фантастической книги. Он – гротескный исполин, который объят собой все от берега до берега: пространство и время.

Я смотрю вниз: там река неспешно несет свои воды, как несла их за тысячи лет до моего рождения, и как будет нести их после моей смерти. Ей все равно. Ей нет дела до меня и мне подобных. Как и мосту. Он застыл в своем гордом отчуждении.

Мне вспоминается кошмарный сон. Я вновь на мосту. Мост лежит недвижимый, но лишь я делаю шаг, как он оживает, превращаясь в живое дышащее чудовище. Это не я шагнул на мост. Это мост пустил меня на себя. Заставил сделать выбор. Шагнуть от одного берега к другому. И так и зависнуть между ними. Застыть в этом желе остановившегося времени.

Законы сна – это законы небытия. И мост это знает. Но он не существует во сне. Кажется, он был здесь до него. Его память, материализованная в камне и металле, может проецировать свои собственные видения. Мост начинает двигаться, словно он закреплен на шарнирах, я чувствую уплывающую из-под ног поверхность, я хватаюсь за поручни, я хватаюсь за ускользящую материю бытия. Животный ужас сковывает мышцы, я становлюсь беспомощен как ребенок. Я могу лишь наблюдать. Наблюдать за тем, что покажет мне мост.

Он застывает, я уже не могу определить, в каком положении находится мое тело. Я смирился. Я во власти моста. Воздух сгущается, мне кажется, что там, на том конце моста, он достигает максимальной плотности, там колышутся неясные тени. Внезапно они, становятся ярче, обретают очертания – так бывает, когда в бинокле настраиваешь резкость.

Мне навстречу движется отряд рыцарей. Я слышу, как бряцают их стальные латы, стучат щиты, слышу возбужденный храп коней, лязг мечей и копий. Я съеживаюсь от страха, мне хочется стать невидимым, хочется вырваться из объятий сна. Уйти из-под власти моста. Но он не отпускает меня. Рыцари проносятся мимо в каких-то метрах от меня. Я вижу их сосредоточенные лица, вижу гербы на знаменах: орлов и львов, рвущих свою добычу. Я чувствую их запах. Мост дрожит подо мной. Они исчезают на берегу.

Меня бьет дрожь. Мост неподвижен. Но он по-прежнему живет. И по-прежнему контролирует ситуацию. Мост создает реальность. Реальность между двух берегов, между небом и поверхностью реки. Реальность, в которой я – всего лишь кукла, неспособная менять ее законы, неспособная даже совершать самостоятельные действия. Я смиренно жду того, что произойдет дальше.

Пространство изгибается, повинаясь воле моста, и я вижу танк, застывший на нем. Он огромен, его пушка заслоняет весь остальной мир, она способна уничтожить его одним выстрелом. Оружие смерти, с легкостью превращающее бытие в небытие. Арсенал памяти моста. Памяти, несоразмерно большей, нежели человеческая. Танк вертит башней, грозное дуло орудия смотрит, прищурившись, в пустоту. Оно готово поразить цель. Цель, которую ему покажет мост.

Но мост заставляет танк исчезнуть. Тот растворяется в воздухе, превращаясь в невесомый прах, оседая на дно воспоминаний моста. Неизвестно, какие еще образы хранятся в сознании моста. Мост свято хранит свои тайны. Зависший между миров и измерений, он существует в каждом из них, он способен создавать видения из каждого по отдельности и из всех сразу.

Мост проецирует свои образы – расплывчатые, словно туман и в то же время содержательные, наполненные своей собственной жизнью. Несется пехота среди минометных

раскатов, самолет режет небо серебристым крылом, влюбленные держатся за руки под ветвями сирени, внезапно погибший по неосторожности ребенок, убитая горем мать, самоубийство, снова любовь, радость и злость, страх, ненависть, милосердие – Мосту все равно, что воспроизводить, он равнодушен ко всему, ибо все – это лишь его память. Память столь же живая, что и сама Вселенная.

Мост словно дремлющий сказочный великан, его сны – это реальности, которые поглощены им. Реальности этого и того берега. И того, что между ними. Все это скрывает мост, как река скрывает сокровища, уроненные в нее с моста. Нам не дано их узреть. Мы – слепцы, которые застыли в нерешительности на середине моста, не зная, на какой берег им надо. У нас нет своей реальности, мы потеряли ее, ступив на мост, теперь у нас есть лишь ЕГО воспоминания.

Последнее, что я вижу – это черное небо, закрытое тучами, закрытое плотной завесой черного дыма, из которой выныривает бомбардировщик. Он несется вниз, стремительно, словно коршун, настигающий жертву; рев мотора нарастает, воздух начинает звенеть, и в этом звоне слышится хруст осколков реальности, разорванной бомбой, вырвавшейся из бомболюка. Она рассекает пространство, словно нож, она кромсает воздух, который продавливается под тяжестью смертоносного груза. Я чувствую, как начинает звенеть у меня в ушах, как ломается пространство, и даже мост съезживается, становясь лишь железобетонной громадой в трехмерном измерении, застывшей в предчувствии гибели.

Когда свист бомбы становится оглушительным, внезапно все замирает. Какие-то доли секунды ничего не происходит, все остановилось, я вижу, как рассыпается мозаика бытия, созданная мостом. А потом внезапно бомба падает прямо на середину моста, и реальность рушится, словно картонный домик, сметенный неловким движением руки. Мост в последний раз проецирует картину из своего сознания, картину собственной гибели, и забывается крепким сном. Сном, в котором даже его воспоминания цепенеют и становятся призраками прошлого, бродящими в глубинах сознания.

Я просыпаюсь. И вижу мост. Он застыл, бесконечный, накрыв реку своей тенью, став связующей нитью реальностей, соединив прошлое и будущее. Запечатлев настоящее. Там, посреди его, я знаю, не существует ничего, только воспоминания – и все. Но отсюда эта громада кажется живой, и я даже чувствую его дыхание. Я смотрю, как дробится реальность, как все казавшееся незыблемым превращается в песок, и лишь одна вещь остается равнодушна ко всему. Это мост.

Отражение (Миниатюра).

Он любил его. Любил, как никого другого никогда не любил, страстно и самозабвенно. Несомненно, это была порочная связь, он знал, но ему было плевать на мнение окружающих. Что они в этом понимали? Что вообще они могли понимать с их глупыми понятиями и комплексами, которыми были набиты?

А он... он преклонялся перед ним, своим возлюбленным. Он находил в нем то, что потерял в себе; вместе они создавали целое, порознь – нет. Только с ним он не чувствовал одиночества – того, которое рождает высшую степень отчуждения, зовущуюся смертью. С ним он не мог умереть, без него – умер бы моментально.

Единственное, что тяготило его – это то, что он не знал, как к нему относится его возлюбленный. Нет, конечно, тот всегда был пылок с ним и всецело отдавался страсти, но было в нем что-то неощутимо холодное, неживое что ли. Словно он был равнодушен к тому, что он делает. Вот и сейчас...

Хотя нет, сейчас он был возбужден: его губы дрожали, он видел на них капельки слюны, его глаза горели от возбуждения. Он не стал ждать и прильнул к этим губам: они слились, их слюна смешалась, языки сплелись живым узлом.

Это длилось долго, хотя на время было плевать им обоим; секунды были лишь пылью в сравнении с их чувством, которое громадой вставало над временем и пространством. Когда их губы разомкнулись, и он отстранился, он увидел, что в глазах его любовника стоят слезы. И тотчас же почувствовал слезы в своих.

Они смотрели друг на друга и плакали, теперь он знал, что они оба любят друг друга: не только он, но и его возлюбленный... Несмотря на всю его холодность. Хотя нет, холод – от стекла, да-да это всего лишь стекло. Потому что сейчас на него смотрели два любящих глаза. С ним целовались любящие его губы. Любовь всей его жизни была перед ним. И он смотрел на него. Это было его отражение.

Повторяющиеся зеркала (Миниатюра).

Залы с высокими сводами, утопающими в непроницаемой тьме, следовали один за другим, сливаясь в бесконечную цепь, умело расплетенную создателем этого мира, мира, состоящего из похожих как близнецы залов, зеркальных отражений друг друга, кривых и насмешливых, искаженных, словно бы реальность превратилась в огромный серебристый шар, крутящийся вокруг своей оси, и каждая точка его поверхности была ничем неотличима от любой другой; герой этого рассказа шел, то ускоряя, то замедляя шаг, он проходил один за другим эти залы, эти повторы, в которых он давным-давно потерялся, эти нагромождения зеркал, в барочного вида рамах, потускневшей бронзы, или же в пластиковых оправках, как в каком-нибудь современном супермаркете, зеркал неопишимо громадного количества; «Куда я иду?» - спрашивал себя герой этого рассказа. – «Зачем?», но ответов не возникало, точнее, был один, неотвратимый, как эти повторяющиеся залы с зеркалами: «Так нужно автору этого рассказа»; и вновь мелькали отражения, гигантские и маленькие, искаженные гримасами счастья и ярости, в зеркалах всплывали образы, туманные, словно в памяти дряхлого старика; они расплывались, как клочья утреннего тумана – невесомо, чуть заметно – и вновь круженье зеркального блеска настигало героя этого рассказа; автор просто плел нить, серебряную нитку из бликов и отражений, из слез и хохота реальности, которая шар, и нанизывал на нее все новые и новые залы, у героя кружилась голова от этого мельтешения повторяющихся мест; да, все это казалось игрой, жестокой игрой, в какие, бывает, играют дети, но герой этого рассказа считал по-другому, ему эта игра не нравилась, более того, она ему осточертела – и когда круженье зеркал достигло своего пика, и ослепительный свет застил глаза героя этого рассказа, его вытошнило на зеркальные плиты, которыми был выложен пол этих повторяющихся залов; «Ублюдох!» - прохрипел герой этого рассказа, обращаясь к автору этого рассказа, - «Мразь...»; слова эти мутным облаком поднялись ввысь и растворились во тьме, давая секундное, быть может, облегчение душе, которая требовала от героя остановиться, но он знал, что должен будет идти в любом случае, ведь он жил всего лишь в фантазиях совсем другого человека, а потому не имел своей собственной воли, он был вынужден подчиняться автору этого рассказа и круговерти повторяющихся зеркал; время не шло, время словно остановилось, трудно было угадать шевеление секунд в этом мире похожести, в этом холодном пространстве убийственной идентичности, да и что могло значить время – ведь оно существовало лишь для автора этого рассказа, не для героя; аркады, изогнутые, холодно-зеркальные напоминали собой строй голых и потных до блеска людей, строй, идущий непонятно куда, ведомый неведомой никому, разве что его предводителю, целью; и каждый из них был пронизан болью; «Ненавижу!» - хрипел герой этого рассказа, - «Ненавижу!», у него были для этого основания – он не мог умереть собственной смертью, просто покончить жизнь самоубийством, весь этот фантазмагорический ад мог прекратить только автор этого рассказа, но он был всего лишь эгоистичной сволочью; тогда герой этого рассказа упал на зеркальные плиты пола и увидел себя, себя в зеркале, во всех этих зеркалах – его были тысячи; какая неведомая и древняя сила жила здесь – память и фантазия, воля и слабость – все это называлось бесконечность, да, именно в этой карусели из кусков зеркала таилось то, что не имеет ни счета, ни отображения, именно бесконечность захлестнула героя этого рассказа, потому, может, даже смерть его ждала не своя; и когда он встал, он смеялся, безумный, и снова шел, ведомый чужой волей, и зеркала кружили вокруг него и заглядывали ему в лицо, пытаясь запомнить его облик, холодные стекла воровали его по частям, воровали у самого себя, и холод наступал неосязаемой громадой этих залов.

Последняя игра (Рассказ).

Листья, красные и желтые, словно обрывки праздничной гирлянды, были разбросаны всюду по склону холма: в потемневшей траве, в лужах грязи, в причудливых лапах огромных теней, отбрасываемых вековыми деревьями. Ветер подхватывал их и швырял в воздух, он играл с ними, как кот с мышью.

На вершине холма, окруженный деревьями, высился старинный дом. Его стены потемнели от времени, краска облупилась и смылась дождями, черные провалы окон с грязными стеклами напоминали глаза тяжелобольного человека. Он выглядел неуютным, даже пугающим, словно материализованным из детского кошмара.

Снаружи. Внутри все было с точностью до наоборот. Роскошные комнаты, обставленные дорогой мебелью, блестели чистотой и убранством. Их обстановка хоть и была старомодной, но выглядела совершенно нетронутой временем. Да так оно и было.

Времени внутри дома не существовало: Игрок-со-Временем просто стер его. Это было его достижением. По крайней мере, так ему казалось до недавнего времени. Точнее до сегодняшнего дня.

Вообще время – всего лишь программа. Обычный файл на винчестере гребаного компа. Однажды Игрок-со-Временем это понял. Задача времени – фиксировать. Считывать реальность и фиксировать ее. В каждой точке. Проще простого. Обычный алгоритм. Игрок-со-Временем нашел этот файл и изменил алгоритм. Для него это было сущей ерундой. С его знаниями он мог бы достичь и большего. Но большего ему было не нужно, ему была нужна лишь Вечность.

Вечность. Еще одно красивое словцо. Она как наркотик, эта Вечность. Как тяжелый наркотик. Героин или даже круче. Манит людей, затягивает. Кто не хочет поторчать на ней, словить кайф вечной жизни? С этой иглы не слезть.

Но одно дело хотеть, другое – иметь. В этом плане Игрок-со-Временем превзошел любого человека на земле. Даже Космос изменчив, а он все такой же, как и был черт знает когда, он не считал.

Он смог остановить время. Получить Вечность. В чистом виде, так сказать. Во внешнем мире, за пределами его дома, менялось все от крошечной пылинки до могущественных империй. Там шли войны, рождались и умирали люди, сменялись времена года, как, собственно и года, да что там года – тысячелетия. Все шло по четкому, отлаженному алгоритму. До сегодняшнего утра.

Сегодня утром он обнаружил эти листья. Обычные листья багряного цвета, сорванные с неведомого дерева, какие бывают осенью. Осень. Он забыл это слово. В его доме, изолированном от внешнего мира, никогда не было осени. Как и зимы, весны или лета. Он был закрыт от всего извне. Заморожен в Вечности. И вдруг эти листья.

Наверное, их занес ветер через печную трубу, но дело было не в этом. Игрок-со-Временем мог запросто растоптать их или сжечь в камине – всех то дел, но что-то заставило его оставить их. Они были частью внешнего мира, иного мира, и теперь этот мир прорвался в его дом. А ведь Игрок-со-Временем уже почти забыл о нем.

Теперь же, глядя на эти лоскутки живого материала, он вдруг понял, насколько он одинок. Он был совсем один в своем огромном доме, где ни одни часы не ходили, и ничто не старело. Он понял, что он, могущественный гений, один на один с Вечностью. А у них, мелких и тленных, был целый мир – мир, вмещающий в себя рождение и смерть.

Листья еще не тронули гниль и тление, верные спутники смерти и упадка, но они уже должны были умереть, у них была смерть. И надежда на возрождение теплой весной в лучах майского солнца.

Чего не мог сказать про себя Игрок-со-Временем. Он просчитался. Отлаженный алгоритм дал сбой. Фатальную ошибку. Игрок-со-Временем был ничтожеством в сравнении с этими двумя жалкими листочками. У него была Вечность – и все, у них –

огромный мир, мир непрерывных превращений, рождения и умирания.

И тогда он сел за компьютер. Игрок-со-Временем моментально нашел нужный файл, открыл его и отыскал необходимые строчки программного кода. Его достижение было перед ним в виде математических символов. Его достижение. И его поражение.

Дрожащими пальцами он выделил эти строчки. Его рука замерла над клавишей стирания. Все или ничего. Смерть или обман. Гнусный наркотик – Вечность. Он нажал ее.

Сначала ничего не произошло. Игрок-со-Временем как сидел в кресле перед монитором, так и остался сидеть. Потом он внезапно почувствовал что-то инородное во рту. Как будто туда зачихали салфетку.

Он открыл рот и сунул в него два пальца. Через секунду он к своему изумлению выудил оттуда древесный листок. Обычный листок вроде тех, что он обнаружил в доме с утра. Странное ощущение во рту не прошло. Он повторил процесс и вытащил еще один листок. А за ним еще один. И еще. Он вытаскивал их как гирлянду. И тут внезапно не стало ничего – Игрок-со-Временем разлетелся ворохом палой листвы.

А следом за ним и дом. Стены рухнули, и в воздух взвилась целая туча из листьев. Они закружились, и ветер подхватил их, увлекая в свою привычную игру в кошки-мышки.

Предчувствие дождя (Рассказ).

*«Вальс мертвых женщин, казненных на гильотине
Каждый день звучал, звучит и будет звучать
Я отдам все цветы одной балерине
Отдам и с чистым сердцем пойду умирать»
Эдуард Старков*

Море переливалось множеством оттенков холодного синего. Над невысокими гребнями, увенчанными клочьями белой пены, – словно кто-то побаловался с зубной пастой – застыла блеклая дымка. Стоял штиль, день выдался солнечный, но прохладный, – один из последних деньков уходящего бабьего лета, – картина, что называется, умиротворяющая.

Неспокойно было только на сердце Художника. Может, поэтому он уже два с лишним часа сидел перед мольбертом, почти не двигаясь. Образ огромной лиловой тучи, нависшей над морем, вяло шевелился в мозгу, готовый брызнуть дождем (из глаз?), мысли путались, он не мог сосредоточиться. Будет дождь. Несмотря на то, что сейчас небо чистое с редкими ватными облачками, совершенно не предвещающее дождя. Будет дождь...

Пляж был пустынен – сезон окончился – только Художник да небольшая компания молодых людей, что-то праздновавших в стороне – там, где начинались сосны, – были здесь сейчас. Одиноко торчали из песка выцветшие на солнце скамейки, навесы в форме грибков и кабинки для переодевания. Кое-где из песка выглядывали пустые пивные банки, целлофановые пакеты, смятые бумажки и прочий мусор, оставленный исчезнувшими отдыхающими.

Художник пытался рисовать, но ничего не получалось. Он посмотрел на свои руки – они тряслись, хотя он вчера не пил. Только вчера... – подумал Художник, – только вчера... Зато до этого... Привыкший заглядывать в стакан должен быть готовым к тому, что, когда он от него оторвется и оглядится вокруг, мир будет лежать в руинах. У него кризис... Затянувшийся кризис... Черт, будет дождь.

Вчера Художник получил телеграмму от жены. Она просит его приехать. Ей это все надоело, она требует развода. И ребенок (этот чудный цветок шести лет отроду, который будущей осенью уже пойдет в школу) будет жить с ней. Он плохой муж и отец. Пусть живет среди своих картин. Он всегда жил среди них, плюнув на реальность.

Кисть дрожит в руке, так дрожит стрелка компаса, когда к нему поднесут магнит. Холст загрунтован и только ждет мазка. Раз – и масло ложится неровной черточкой, похожее на щербинку. Нет, не то – это нужно рисовать акварелью... Много воды... В этом всем слишком много воды.

Ты просто не можешь сейчас рисовать. Признайся себе, ведь не можешь. Этот чертов кризис. Эти чертовы картины. Вся жизнь коту под хвост...

Над ним с криком пролетела чайка. Художник посмотрел ей вслед. Чайка взмыла, потом выполнила какую-то фигуру птичьего пилотажа, нырнула вниз и, ударившись о воду, снова поднялась, набрала высоту и слилась с белесой дымкой, лежащей над морем. Художник обернулся: компания молодых людей продолжала веселиться, у них было спиртное, они развели костер, до него доносились их смех и пьяные возгласы. Счастливые люди, черт побери.

Зашумели сосны – невесть откуда появился легкий ветер, который налетел на них и запутался в колючих ветвях. Несколько мелких песчинок легли на холст, Художник смахнул их ладонью.

Почему? Почему все это? Почему со мной? Как часто мы задаем себе этот вопрос, когда уже поздно искать ответ. Слишком поздно. Картины поглощают тебя, забирают целиком. Вспоминаются слова Хемингуэя, неоспоримая правота папаши Хема в том, что людям посредственным (Художник подумал «серым») в отличие от людей умных и талантливых дана

возможность познать счастье, тогда как последние умудряются так изгадить себе жизнь, что она становится противна окружающим и ненавистна им самим.

Художник достал из кармана пачку «Голуза» и, вытащив сигарету, закурил. Терпкий дым окутал его лицо (ты ненавидишь себя, а? ненавидишь?..), сигарета слегка подрагивала в пальцах (это нервы... нервы... не...навидишь?)

Ничего не выходит. Как ни старайся, но сегодня пейзаж ему не написать. И завтра. Будет дождь. Эта картина в отличие от реальной уже давно была готова в его сознании. Три месяца назад он приехал сюда отдохнуть (уже тогда у него был кризис) в небольшом санатории на берегу моря среди сосен, растущих на желтом песке. Он думал, что это поможет ему разобраться в себе, в своей беспорядочной жизни (жизнь среди картин...), наладить нарушенную связь между собственным эго и окружающим миром. Он думал, что сможет здесь рисовать (гнусный самообман – ни одной работы за все это время), но перед глазами стояла лишь огромная лиловая туча. Вчерашняя телеграмма вернула его к реальности – он так и не вышел из тупика (это ведь был лишь побег – признайся себе-то хоть...), не разрубил свой гордиев узел. И теперь, увидев, наконец, руины вокруг себя, Художник понял – будет дождь (да, я ненавижу себя! слышишь? не-на-ви-жу!). Три бессмысленных месяца...

Художник докурил и бросил окурочок на землю. Потом ногой надвинул на него кучку песка. Посмотрел на пустой холст с одиноким масляным мазком. Туча... он видел там тучу. И море свинцового цвета. Последний месяц он почти беспробудно пил (старая проблема... но я не алкоголик!.. не алкоголик...). Таким образом он сводил счеты со своим давно давшим трещину существованием. Алкоголь заключал временное перемирие в его старой войне с реальностью и самим собой (эта картина не выходила из головы: огромные тучи над хранящим гробовое молчание морем, готовые разрешиться холодными дождем, - она въелась в мозг словно кислота). Еще он думал о самоубийстве.

Самоубийство. Последний аргумент того, кто всю свою сознательную жизнь ведет спор с незримым оппонентом, сидящим внутри его собственной головы (этот пустынный пляж, конец курортного сезона, монотонный гул моря, похожий на белый шум, льющийся из динамиков радиоприемника, потому что ни одна станция не ловится, потому что все радиостанции навсегда прекратили свое существование как, впрочем, и люди, потому что ровно тысячу лет назад был Апокалипсис, ядерный взрыв, чума, падение огромного раскаленного метеорита, и теперь планета предоставлена лишь самой себе). Существует множество способов самоубийства, но ни один не дает твердой гарантии того, что твоя смерть поможет хоть кому-то, даже тебе самому. Смерть в этом плане – ненадежный партнер.

Художник видит, как в туманной морской дали материализуется парус, распластаный над водой. Он то взмывает над синей гладью (сменившей, кстати, свой оттенок на темно-синий), то ныряет в морскую бездну. Художник снова потянулся к пачке «Голуза». Сигареты успокаивают.

В соснах вновь зашумел усилившийся ветер. Художник отметил про себя, что облаков на небе стало больше, и они поменяли свой цвет с молочно белого на синеватый, с вкраплениями фиолетового. Линия горизонта, где море мягко сливалось с небом, потемнела и обозначилась резче, словно ее подвели химическим карандашом. Значит, точно будет дождь.

Художник сделал еще один мазок (нет, так не пойдет... черт, руки дрожат, чтоб им...).

Преобладание синего и фиолетового. Оттенки серого. Палитра дождя.

Вчерашняя телеграмма... Это что-то вроде повестки, которой тебя вызывают на собственную казнь. Неужели все так плохо? (Да ты прекрасно знаешь, что все – хуже некуда). Его семейные отношения зашли в тупик (как и все остальное, дружище, как и все остальное...) Жена уходит (даже удивительно, что она не сделала этого раньше, любая другая женщина на ее месте не стала бы так долго проявлять чудеса терпения). Развод. А это значит, что ребенка она тоже заберет (о, мой белокурый ангел...). Им надоело ждать, когда пробьет его звездный час, и он явит миру свое лучшее полотно, свой шедевр, в который он теперь и сам верит с трудом (как ты не понимаешь, его не будет, не бу-дет!). Слишком долго он кормил иллюзиями себя и их. А жизнь в это время забирала свое. Она решила поставить точку.

Рука Художника дрогнула, и холст обезобразило жирное пятно масляной краски – пятно лилового цвета, похожее на тучу. Как глупо, нелепо и бессмысленно устроен мир. К чему все эти картины, тысячи картин, когда-либо созданных людьми, если жизнь одного отдельно взятого человека катится ко всем чертям? Художник обмакнул кисть в краску и вывел крупными буквами чуть пониже пятна: «НЕУДАЧНИК». Неудачник – вот ты кто.

Он полез в карман за очередной сигаретой и увидел, что в его сторону идет высокий парень спортивного вида из той компании, что отдыхала под соснами. В одной руке он держал бутылку, в другой – сигарету. Он шел, загребая песок босыми ногами и немного пошатываясь. На лице у него застыла пьяная улыбка. Только его здесь не хватало – подумал Художник. Он не любил любопытствующих, которых как магнитом тянуло к людям с мольбертом.

Художник быстрыми мазками зарисовал только что написанное слово, он не хотел, чтобы кто-то еще был свидетелем его внутреннего состояния (не хочешь мести сор из избы или боишься правды?). Еще несколькими умелыми движениями вывел неровный абрис дождевой тучи, простертой над морской гладью. Потом отложил кисть в сторону и закурил. Парень приближался.

На нем были вытертые джинсы, подвернутые снизу до колен, и майка защитного цвета, плотно облегающая тренированное тело. Он остановился метрах в двух от того места, где сидел Художник.

- Привет, - добродушно сказал он.

Художник окинул его профессиональным взглядом. Высокий лоб, прямой нос, голубые глаза и светлые волосы. Губы по-детски пухлые. Он мог бы написать его портрет несколькими точными мазками.

- Привет, - ответил Художник.

- Рисуешь? – фамильярно спросил парень, приблизился вплотную к Художнику и заглянул в мольберт. Художник уловил знакомый запах перегара.

- Если честно, сегодня у меня не самый лучший день для живописи, - признался Художник (перед глазами вновь встало небо, затянутое мрачными тучами; небо, прошитое косыми строчками дождя).

- Угу, - кивнул парень, - понимаю, бывает...

(Черт, со мной такого не было никогда! Три месяца – и ни одной работы... даже захудалой... так, эскизы, наброски, но ни одной картины... Три месяца, потраченных впустую...)

- А мы смотрим – сидишь... вроде рисуешь, а, вроде, не рисуешь... - Художник достал сигарету, парень тут же выудил из кармана бензиновую «Зиппо» и прикурил ему; Художник успел разглядеть короткую надпись «За ВДВ...», вытатуированную на ребре его ладони. – Может, это... присоединишься к нам? – парень махнул рукой в направлении сосен, где веселились его друзья, - посидим, выпьем – у меня сегодня день рождения... А то вообще все разъехались, ни души вокруг...

- Поздравляю, - сказал Художник (он смотрел мимо парня, в небо над морем, где синие облака плавно меняли оттенки на более темные, сбивались в стаю, медленно превращаясь в разбухшую от влаги тучу), - но спасибо, я все-таки попробую поработать.

- Да ладно... - начал было парень, но Художник оборвал его – нет, серьезно, спасибо большое, как-нибудь в другой раз (он еще раз с тревогой взглянул на небо, где дождь из смутного образа трансформировался в реальность).

- Ну, тогда хоть выпей со мной, - сказал парень и протянул ему бутылку «Советского» шампанского. Художник принял ее из его рук и сделал глоток. У шампанского был сладковатый немного приторный вкус.

- За тебя, - Художник сделал еще глоток (я не алкоголик, не алкоголик, говорю...), потом вернул бутылку парню.

- Ладно, воля твоя, - сказал тот, - смотри, если передумаешь, - подходи, - и он, сделав большой глоток, пошел нетвердой походкой назад, туда, где под соснами его ждала нетрезвая компания.

Художник посмотрел ему вслед. Опять вспомнились слова Хемингуэя. Окурок в пальцах истлел до фильтра, он бросил его в песок. И снова посмотрел на небо.

Небо заволакивало тучами, - они сливались в сплошную лиловую массу, нависшую над водой. На море появились волны. Ветер тоже крепчал (сколько я здесь: час, два или целую вечность?), позади шумели сосны.

Художник бросил тоскливый взгляд на холст. Все точь-в-точь: пустой пляж (словно некий символ упадка?), сгущающиеся тучи – первые предвестники надвигающегося дождя – и сам дождь – после которого кончится короткое бабье лето, и уже настоящая осень вступит в свои законные права (теперь уже точно будет дождь – ты доволен?.. ты доволен?..). Внезапный порыв ветра бросил в него пригоршню песка. Художник медленно стряхнул его с себя.

Иногда кажется, что реальность – это только сон, по лабиринтам которого крадется наше сознание. Как и всякий сон, она лишена четкой структуры, есть лишь неясные образы, что проносятся перед глазами размытыми кадрами видеофильма. Мы захватываем их на какое-то короткое время, но они не могут принадлежать нам, и поэтому растворяются, становятся бесплотными и ускользают. Им на смену приходят другие. Нам остается только ПРЕДЧУВСТВИЕ (конечно, ты знал – знал с самого начала, что будет дождь... ты это чувствовал). Мы – слепые овцы судьбы, бредущие на убой (черт, какое же я ничтожество... я с самого начала знал, что я – ничтожество, но отказывался в это верить... тешил себя самообманом...).

Внезапно Художник принялся интенсивно водить кистью по холсту. Нет, он не рисовал – это нельзя было назвать живописью – он просто давал волю своей дрожащей руке, которая словно осциллограф фиксировала биение его беспорядочных мыслей. Только минут через двадцать он остановился. Перед ним были море и небо, молчаливые, затаившие мрачную злость, готовые в любую секунду выплеснуть ее водяной бурей. Это была не картина (он-то знал, что не сможет сегодня написать картину, а, может, вообще больше не сможет рисовать... никогда...), это была реальность или же образы из сознания, материализовавшиеся во всей своей чудовищной яркости и мощи, и буквально поглотившие реальность. Море – цвет окисленного свинца. Небо – словно огромный синяк на месте ушиба.

В пачке осталась последняя сигарета. Художник вытащил ее зубами, а смятую пачку бросил под ноги. Прикурил. Может, пойти в санаторий, запереться у себя в комнате и напиться? Или же собрать вещи и ехать домой, просить жену, умолять, стоять на коленях и клясться? (только не развод... только не это... не сейчас... НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ МЕНЯ ОДНОГО!) Черт его знает, как быть (Я БОЮСЬ ОДИНОЧЕСТВА... ОНО МЕНЯ УБЬЕТ... ПОЖАЛУЙСТА... НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ МЕНЯ ОДНОГО...). Весь мир против меня (когда ребенок по неосторожности прищемит палец дверью, он тоже склонен винить дверь...) Как же быть?..

А ветер все усиливался. Теперь он уже гудел в соснах, обрушивался на пляж, взметывая целые тучи песка, гнал мелкий мусор по берегу. Волны на море стали выше. Далеко на горизонте между небом и морем натянулась серая мембрана воды. Если внимательно приглядеться, можно было увидеть, что она состоит из тонких волокон, идущих диагонально поверхности моря.

Художник встал и принялся складывать мольберт, убирать кисти и краски. Во рту по-прежнему дымилась сигарета. Возможно, он допишет картину в другой раз. А, возможно, не допишет никогда – какая разница?

Когда все было сложено и убрано, он выплюнул окурок и посмотрел на небо. Так смотрят низшие существа на своих богов. Небо было темным, оно представляло собой сгусток мрака и готово было в любой момент рухнуть на землю яростным потоком. Художник пошел с пляжа прочь.

Когда он проходил неподалеку от компании молодых людей, ставших последними из могокан на этом пляже, его окрикнул парень, который к нему подходил и предлагал выпить. Он сделал приветственный знак рукой. Художник кивнул в ответ.

- Удачи! – услышал он вслед (ты чертовски прав, папаша Хем!).

Сосны сомкнули над ним свой колючий шатер, который раскачивал ветер. Запахло хвоей и смолой. Художник в последний раз посмотрел на небо. В это время на землю упали первые тяжелые капли дождя.